

Максим Лызлов

БЕСЕДЫ О НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ: КАТЕГОРИЯ «ФАНТАСТИЧЕСКОГО» В БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 1960–70-Х ГОДОВ

В 1950–1970-х гг. библиографы предприняли попытки определить жанр фантастики и предложить систематизацию имеющейся фантастической литературы. Цель статьи — проследить развитие категории «фантастического» в рекомендательных указателях З. П. Шалашовой «Приключения. Путешествия. Фантастика», «Искусственные спутники земли. Межпланетные полеты», «Приключения и путешествия». Проблемы, с которыми сталкивались библиографы, были связаны как с резким увеличением изданий фантастической литературы, так и слабой разработанностью теоретического аппарата в литературоведении и библиографии. Понятие «фантастического» эволюционировало от смежного с приключениями вида научно-познавательной литературы к метафорическому «миру мечты», лишенному терминологической четкости. Материал библиографических указателей при всей своей ограниченной функциональности тем не менее демонстрирует, что процессы, происходившие в области рекомендательной библиографии детской книги, отражают значительные трудности, которые испытывали библиографы в поиске языка описания фантастики.

Ключевые слова: Научная фантастика, приключения, детская литература, критика, рекомендательная библиография, Зоя Шалашова.

Научная фантастика стала объектом систематического библиографического описания в послевоенное время. Если в первой половине XX в. не существовало отдельных библиографических указателей, то начиная с 1950-х гг. они появились и получили

Максим Павлович Лызлов
НИУ «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург
lyzlov01@gmail.com

широкое распространение. При этом рубрикация этих рекомендательных указателей, аннотации к вышедшим изданиям позволяют проследить эволюцию представлений о том, как понималось «фантастическое» теми, кто брался систематизировать и сортировать выходящую в СССР литературу о будущем.

Интерес к фантастике в среде педагогов, издателей и критиков заметно усилился к концу 1950-х гг. В июле 1958 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание по научно-фантастической и приключенческой литературе, спустя два года, 14 марта 1960 г., в Московском Доме литераторов прошла дискуссия «Проблемы современной фантастики». Материалы обоих событий были размещены в специальном издании «О фантастике и приключениях», в которое были также включены доклады, заслушанные на 4-й сессии «Литературно-критических чтений» в Ленинградском Доме книги [О фантастике и приключениях 1960]. Очевидно, что внимание к фантастике авторитетных специалистов в области детского чтения было связано с тектоническими сдвигами, происходившими в сфере детского книгоиздания, и шире, книгоиздания для широкого круга читателей, которые определялись существенными изменениями в общественной и политической жизни СССР в конце 1950-х гг. (см. об этом [Кукулин 2017]).

Параллельно в те же годы фантастическая литература пережила резкий издательский скачок. Как следует из записки отдела пропаганды ЦК КПСС «О недостатках в издании научно-фантастической литературы» от 5 марта 1966 г., тиражи фантастики на рубеже 1950–60-х гг. были колоссальными: «Научно-фантастическую литературу в СССР издают около 20 издательств — центральных, республиканских, областных. Ее регулярно печатают более 50 журналов и газет, многие из которых выходят миллионными тиражами. Если с конца прошлого века до 1958 г. в нашей стране на русском языке было выпущено около 450 названий произведений фантастики, то с 1959 по 1965 г. включительно только на русском языке было издано более 1200 научно-фантастических произведений, включая переиздания, общим тиражом около 140 миллионов экземпляров» [Записки 1993, 90]. Согласно исследованию А. Ф. Бритикова, «только с 1963 г. выходит ежегодно более чем 80 фантастических произведений» [Бритиков 1970, 268–269]. Именно в 1950–70-е гг. количество фантастических произведений растет практически в геометрической прогрессии. В связи с этим возникает потребность структурировать этот поток и представить его читателям. Библиографы взялись определить границы жанра

и возрастную аудиторию читателей, подобрать основания, почему именно эти произведения стоит читать в школьном возрасте. Именно с конца 1950-х гг. возникает систематическое аннотирование фантастической литературы и структурированное библиографирование изданий научной фантастики для детей и юношества, выходят отдельные рекомендательные указатели, адресованные подростковой, юношеской и самой широкой возрастной аудитории.

Можно заметить, что библиографы по привычке основными групповыми определениями произведений, содержащих фантастические элементы (самого разного рода), считали «путешествия», «приключения» и «фантастику». Об этом говорят и названия серий, которые стали выпускаться после войны. Так, в 1943–1948 гг. выходила небольшая серия книг «Детгиза» под названием «Библиотека научной фантастики и приключений», в ней было издано 16 книг. Среди таких, например, «Белый карлик» И. Нечаева, «Три желания» и «Шестое чувство» В. Немцова, «Тень минувшего» И. Ефремова и произведения зарубежных писателей, в том числе Герберта Уэллса («Новейший ускоритель»), Артура Конан Дойла («Маракотова бездна»), Эдгара По («Золотой жук») и многих других. До войны она носила другое название — «Библиотека романов и повестей», с 1937 г. — «Библиотека приключений», с 1953 г. устоялось последнее — «Библиотека приключений и научной фантастики». Перестановка местами «приключений» и «фантастики» вряд ли была случайной. Не придавая ей какого-то определяющего значения, все-таки попробуем разобраться, как библиографы, которые составляли рекомендательные указатели фантастической литературы, понимали разницу между этими двумя категориями.

Характерным примером библиографа, регулярно обращавшегося к систематизации изданий фантастики, является Зоя Петровна Шалашова. Она жила в Москве и работала библиографом в ГБЛ (РГБ), была составителем многих рекомендательных пособий с включенными в них библиографиями, в том числе и по научной фантастике.

Первым рекомендательным указателем З. П. Шалашовой в этой области литературы стало пособие «Приключения. Путешествия. Фантастика», подготовленное в соавторстве с Ю. С. Зубовым в 1957 г. В предисловии к изданию указано, что основным жанром указателя преимущественно являются приключения: «Вы найдете в нем (указателе — М. Л.) самые разнообразные книги: и такие, в которых приключения героев тесно связаны с их участием в ис-

торических событиях; и такие, где описаны удивительные путешествия неугомонных открывателей-смельчаков... и такие, с героями которых вы попадете в мир чудо-техники» [Шалашова, Зубов 1957, 5], — из предисловия становится понятно, что автор не выделяет фантастику в качестве отдельного жанра, а определяет это направление, как один из видов приключенческой литературы. Далее в главе «В мире фантастики» З. П. Шалашова дает дополнительные рекомендательные указания, в которых речь уже идет о научной фантастике: «Научно-фантастические романы и повести — весьма увлекательный вид чтения... В какой мере все это относится к области чистого вымысла и в какой степени это реально?» — после этих риторических вопросов З. П. Шалашова перечисляет книги, которые помогают ответить на поставленный вопрос [Шалашова, Зубов 1957, 171]. При этом она ссылается на журнал «Техника — молодежи», где в 1950-е гг. печатались научно-фантастические произведения. Однако издания, приводимые ею в данном разделе, скорее стоит отнести к научно-познавательным, нежели художественным. Например, З. П. Шалашова советует прочитать очерки Б. В. Ляпунова «Рассказы о ракетах», в которых «освещены основные этапы создания ракет» [Шалашова, Зубов 1957, 172], или статью П. Асташенкова «Атомная промышленность», в которой автор пишет об источниках добычи сырья для атомного производства [Шалашова, Зубов 1957, 174]. З. П. Шалашова тем самым как будто не выделяет научную фантастику в качестве отдельного литературного жанра, а называет ею все научные труды, которые посвящены невероятным разработкам будущего.

После публикации первого указателя З. П. Шалашова принимает участие в составлении еще нескольких: «Искусственные спутники Земли. Межпланетные полеты» (1958), «Молодежь страны Советов» (1958) и «Книги зарубежных писателей XX в.» (1958). В этих указателях критик оформляет некоторые разделы, посвященные фантастической и приключенческой литературе. Рассмотрим подробнее рекомендательный указатель «Искусственные спутники Земли. Межпланетные полеты» [Левшина, Шалашова 1958]. В предисловии указано: «Задача нашего указателя — ознакомить широкие круги читателей с популярной литературой, в которой говорится о советских искусственных спутниках Земли, о зарубежных проектах спутников... и, наконец, о *проблеме межпланетных путешествий* (курсив мой — М. Л.)» [Там же, 3]. К слову, проблема таких «путешествий» обозначается составителями в ста-

тях, которые посвящены неизведанности космоса и будущему его освоению как раз благодаря мощным спутникам. Основную часть сборника составляют рекомендации литературы сугубо научной направленности, исключая любую художественную: например, статья Г. А. Скуридина и Л. В. Курносовой «Научные исследования при помощи искусственных спутников», вышедшая в № 12 журнала «Природа» в 1957 г. Впрочем, в предисловии к главе «В мире фантастики (художественная литература)», где авторы собрали художественную литературу (издания И. Ефремова, А. Беляева, С. Болдырева и других), составители пишут: «Проблемы межпланетных полетов издавна волновали не только ученых, изобретателей и инженеров. В числе смелых фантастов... были и писатели» [Там же, 28]. Казалось бы, З. П. Шалашова берется отделить «фантастику» от «путешествий», но чуть далее она пишет: «В своих произведениях они стремились показать современникам космические корабли будущего. Запечатлеть необычные условия межпланетных путешествий (курсив мой — М. Л.), предугадать, что ожидает посланцев Земли на далеких планетах» [Там же, 28] — вновь фантастика становится лишь межпланетным видом путешествий.

Впрочем, можно обнаружить постепенные смещения в терминологии. Например, в отличие от издания 1957 г., в аннотации к роману И. Ефремова «Звезда КЭЦ» отсутствуют любые отсылки к «путешествию». Если в издании «Приключения. Путешествия. Фантастика» «Артемьев вместе с группой ученых совершает путешествие (курсив мой — М. Л.)» [Шалашова, Зубов 1957, 138], то в издании 1958 г. рассказывается «об участии Артемьева в экспедиции (курсив мой — М. Л.) на Луну» [Левшина, Шалашова 1958, 29]. Подлинно неизвестно, кто из соавторов создавал аннотации к художественной литературе (в тексте отсутствуют какие-либо маркеры авторской принадлежности), поэтому точных выводов об изменении отношения З. П. Шалашовой к жанру «фантастики» сделать нельзя. Однако большая часть аннотаций сохранила почти идентичное с изданием 1957 г. содержание. Но понимание фантастики З. П. Шалашовой все же постепенно менялось.

В 1964 г. З. П. Шалашова выпускает новый авторский рекомендательный указатель «Путешествия. Приключения. Фантастика» [Шалашова 1964]. А спустя год в первом номере журнала «В мире книг» появляется статья Е. Брандиса «Библиографический винегрет» [Брандис 1965], которую сам автор представляет как рецензию. Е. Брандис в самом начале говорит о подъеме фантастики и

важности издания рекомендательной литературы: «Хороший рекомендательный указатель может стать неизменным подспорьем не только для любителей приключений и фантастики, но и для работников библиотек» [Брандис 1965, 17]. Биограф сетует на тот факт, что в рекомендательном указателе слишком расплывчатая формулировка того, что сам указатель в себе заключает. По его мнению, в издании учтено слишком много направлений, чтобы качественно описать каждый: «Работа проделана большая, но, к сожалению, „отдача“ от нее меньшая, чем можно было ожидать от такого обширного справочника» [Там же, 17]. Затем Е. Брандис говорит о мелких ошибках, которые недопустимы: например, приписывание романа «Вамирэх» братьев Рони только одному из них или ошибки в написании фамилий (Джайлс становится Джайле, а В. Дмитриевский — Дмитриевским). Затем литературовед переходит к одной из главных проблем: «Почти всю полезную „жилплощадь“ занимают в указателе пространные аннотации — пересказы, лишённые каких бы то ни было критических оценок» [Там же, 17]. Е. Брандис считает ошибкой пересказ З. П. Шалашовой не целых сборников, а лишь отдельных их фрагментов. В качестве примера он приводит сборник В. Журавлевой «Сквозь время»:

В книге... десять приблизительно равноценных научно-фантастических рассказов. Из них... выбраны для аннотирования только два. Лучший же сборник этой писательницы — «Человек, создавший Атлантиду» (Детгиз, 1963) — вообще не упоминается! Не лучше ли было подключить к обоим сборником В. Журавлевой, объединяющим семнадцать рассказов, одну вразумительную аннотацию? [Там же, 17].

Помимо нелогичности выбора лишь отдельных произведений, Е. Брандис отмечает и слабую структурированность сборника. По его мнению, некоторые произведения совершенно не подходят к тем разделам, в которые они помещены. А по содержанию только одного раздела можно было бы выпустить несколько указателей. «К тому же расположение книг по алфавиту авторов только подчеркивает сумбурность построения и расплывчатость замысла всей этой работы» [Там же, 17]. Подводит итог своей статьи Е. Брандис одной ёмкой фразой: «Массовый читатель стал образованным и взыскательным, а библиографы все еще подходят к нему со старыми мерками» [Там же, 17].

Цепная реакция критики сборника не заставила себя долго ждать. Уже в 7 номере журнала «В мире книг» за тот же год известная писательница-фантаст В. Журавлева в своей рецензии

поднимает вопрос о библиографии фантастики в том виде, в каком она сложилась на момент 1965 г.:

Последние 10 лет составляют целую эпоху в развитии фантастики. Фантастика «подросла», стала умнее. Сформировались многочисленные «поджанры» фантастики. Резко увеличились масштабы издания фантастической литературы. Между тем, «фантастическая» библиография осталась на том уровне, на котором она была лет 30–50 назад. Она нерегулярна, ей присущ какой-то случайный, несерьезный характер. Теоретические основы этой библиографии не «теоретичны» и не «основательны» [Журавлева 1965, 16].

Тем самым Журавлева заявляет о том, что несмотря на развитие самого жанра, многие критики и библиографы, которые не относятся к группе авторов-фантастов, а имеют сторонний взгляд на этот жанр, не компетентны в его описании. «Пользоваться указателем З. П. Шалашовой практически невозможно» — заключает В. Журавлева [Там же, 16]. И на это есть ряд причин: во-первых, по мнению критика, З. П. Шалашова указывает в своем списке произведения фантастики для «всех» читателей. Иначе говоря, если раньше фантастика считалась разновидностью приключенческой литературы, то на 1965 г. фантастика стала независимым жанром: «фантастика стала многообразной и взрослой. Библиография же стремится свести фантастику к надстройке над детской комнатой» [Там же, 16]. Ссылается она и на понимание «фантастики» З. П. Шалашовой: в самом начале автор указателя называет этот жанр «литературой о подвигах и приключениях», затем произведениями с «коммунистической эрой на Земле», а затем о «смелости научного дерзания». Но тем самым, по мнению В. Журавлевой, З. П. Шалашова исключает понятие фантастики из ряда «Путешествия. Приключения. Фантастика», располагая последнее понятие в другом ряду «Наука. Техника. Фантастика» [Там же, 17]. Шалашова, как и в 1957 г., под фантастикой понимает научно-популярную литературу о дерзаниях ученых (ср. наблюдения И. Кукулина над ролью научно-технической интеллигенции в обществе второй половины 1950-х гг. [Кукулин 2017]). Неудивительно, что в финале статьи В. Журавлева предлагает будущим критикам и составителям рекомендательных указателей разработать единую систему определения фантастики как отдельного жанра [Там же, 17].

Следующий сборник Шалашовой — «Приключения и путешествия» — вышел спустя 15 лет. Как можно заметить, слово фантастика в заглавии уже отсутствует, однако рассказ о фантастической

литературе можно обнаружить в отдельной главе «В звездные дали. Сквозь время. Встречи с Неведомым» [Шалашова 1979]. В этом издании З. П. Шалашова уклоняется от попытки дать определение фантастической литературе, что, видимо, связано с «провалом» З. П. Шалашовой в среде критиков, описанном выше.

Однако, если обратиться к аннотациям, составленным Шалашовой, можно реконструировать обновленную систему ее представлений о фантастике. Показательным примером является аннотация романа А. и Б. Стругацких «Стажеры». В упоминаемой выше критической статье В. Журавлевой именно эта аннотация рассматривается как образец теоретической некомпетентности Шалашовой:

А вот аннотация к «Стажерам» А. и Б. Стругацких: «В центре этой повести — тоже история *приключений* экипажа и пассажиров планетолета „Тахмасиб“» (стр. 123). На планетолете «Тахмасиб», к слову сказать, не было пассажиров. Но не в этом дело. Дело в том, что в центре «Стажеров» — отнюдь не приключения! [Журавлева 1965, 17]

Критик возмущена, что фантастический роман Стругацких отнесен к разряду приключений. Спустя 15 лет З. П. Шалашова исправляется: «Существенное место в творчестве Стругацких занимает связанная общими героями и общей темой трилогия об освоении человечеством других планет Солнечной системы... „Стажеры“ — об *исследовании* Марса, астероидов, кольца Сатурна» (курсив мой — М. Л.) [Шалашова 1979, 111]. Как мы видим, слово «приключение» заменено «исследованием». Библиограф по-прежнему уклоняется от использования слова «фантастика», атрибутируя художественное произведение в терминах научно-познавательной литературы, так же, как она это делала в 1957 г.

Мне кажется, что для З. П. Шалашовой разница между понятиями «приключение», «путешествие» и «исследование» была не вполне отрефлексирована. Астронавты отправляются на Марс — разве это не приключение? Или, например, отправляются в другие миры — чем не путешествие? Но теоретический дискурс, который формировался вокруг понятия «фантастика», уже не позволял оперировать исключительно этими двумя понятиями. К дискуссии вокруг указателя Шалашовой подключились и писатели-фантасты, так Г. Гуревич, который и сам не был чужд составлению рекомендательных указателей, в 1966 г. в статье «Кому и для чего?», опубликованной, кстати, в уже известном нам журнале «В мире книг» обращается не столько к З. П. Шалашовой, сколько к Е. Брандису и В. Журавлевой [Гуревич 1966]. Критик отмечает,

что в случае с изданием «Путешествия. Приключения. Фантастика» (1964) стоит рассуждать не о том, как оценивать указатель, а о том, что могло стать причиной теоретической слабости составителя: «И не вина ее, а общая наша беда, что она оказалась в тяжелом положении человека, который вышел в сад, чтобы вскопать грядку-другую и вдруг очутился в дремучем лесу, где еще заросли надо расчищать, просеки прорубать, направление определить, прежде чем копать что-либо» — пишет Г. Гуревич [Гуревич 1966, 16]. Он отмечает, что ни в школах, ни на литературоведческих кафедрах научная фантастика не изучается. При всем стремительном развитии жанра, о нем, по мнению Г. Гуревича, существует всего две книги (в основном, по творчеству И. Ефремова), несколько брошюр и пара статей. «Так что составителю рекомендаций попутно приходится создавать еще рабочую теорию фантастики, давать классификацию, решать, что такое фантастика, для кого она пишется, как менялась во времени» — заключает в статье Г. Гуревич. Такими непростыми обстоятельствами он объясняет спутанность концепции составителя в определении жанра [Там же, 16].

Сам Г. Гуревич обосновывает тенденцию к слиянию жанров путешествия и фантастики тем фактом, что указатели нацелены преимущественно на аудиторию средней школы: «если судить по тону — снисходительно-назидательному, составитель имеет в виду примерно шестиклассников. И соединение научной фантастики с научно-популярной литературой исходит, видимо, из невысказанного представления о том, что научная фантастика — некое занимательное пособие для внеклассного чтения по географии и естествознанию» [Там же, 16]. Далее он оправдывает З. П. Шалашову, рассуждая о том, что многие произведения пишутся на стыке художественной литературы и нонфикшна, например, «Плутония» В. Обручева, после прочтения которой школьник может заинтересоваться геологией — областью интересов и занятия автора романа. Более того, он считает, что дети в возрасте до 10 лет вообще понимают фантастику как сказку, и для них нет жанровых отличий. Для Г. Гуревича кажется неправильным требовать от составителей рекомендательных указателей создания классификаций фантастики, однако тем не менее он призывает продолжать разрабатывать жанровую теорию фантастики: «Дело это неотложное. Советская фантастика растет качественно и количественно, перевалила уже за тысячу названий, поток превращается в море. Читают фантастику миллионы, если не десятки миллионов, и сотни тысяч педагогов и библиотекарей должны иметь в руках грамотную лоцию, чтобы

уверенно вести читателей по морю фантастических книг» [Там же, 17].

В следующем году Г. И. Гуревич в издании «Карта страны фантазий» предпринимает самостоятельную попытку систематизировать фантастическую литературу [Гуревич, 1967], книга была сдана в набор в феврале 1966 г., а вышла в конце лета 1967 г. Очевидно, что критическая статья 1966 г., в которой говорится о необходимости «грамотной лоции» по фантастике и монография 1967 г. связаны напрямую. В качестве предисловия автор помещает памфлет «Пролог. Двенадцать разгневанных критиков»: в редакцию приходит молодой писатель и предлагает редактору свою рукопись. Но, так как последний не может сам решить, стоит ли публиковать текст, он приглашает двенадцать рецензентов для оценки рукописи, они приводят свои аргументы против ее издания. Каждый из них по очереди заявляет, что фантастика должна быть «научной», «достоверной», «познавательной», «героичной... увлекательной и занимательной», «романтической», «воинствующей», «гуманной» и вообще «фантастичной». Один из критиков видит «достоинство фантастики — в точном предвидении», другой в том, что она «...должна показывать творческий процесс», «быть человековедением» и «человека и общество будущего должна показать». Поначалу автор рукописи пытается спорить с критиками, но постепенно пыл его угасает, он все меньше и меньше вступает в прения, и в конечном итоге редактор отвергает его текст. В конце на вопрос редактора, как зовут молодого человека, звучит ответ: «Жюль Верн» [Там же, 9]. Свое повествование Г. И. Гуревич строит как разъяснения по каждой из высказанных Ж. Верну претензий, например, отдельные главы его книги называются «Претензия третья. Фантастика должна быть познавательной», «Претензия седьмая. Фантастика должна быть фантастичной», «Претензия двенадцатая. Покажите нам будущее!» и т. п.

В 1970 г. выходит обзор Бориса Валериановича Ляпунова «В мире мечты» [Ляпунов 1970]. Автор был известным писателем-фантастом, популяризатором космонавтики, океанологии. Г. Гуревич сетовал в 1966 г., что труд Ляпунова «существует только в рукописи, и ею могут пользоваться немногие, хорошо бы ее издать» [Гуревич 1966, 17]. В печатном виде работа Ляпунова включала в себя как библиографический указатель научно-фантастических произведений, выходящих в 1920–1950-х г., так и объемную теоретическую часть с основными тенденциями развития жанра фантастики. В предисловии автор дает определение «фантастическому»:

Фантастика теперь стала более широкой, чем просто мечта. Но все же — это в основном литература о будущем, рассказывающая о нем с разных точек зрения, литература о необычайном, и потому мир фантастики можно назвать «миром мечты» в самом широком смысле слова... Это не только стремление показать возможности науки и техники и следствия прогресса. Фантасты хотят изобразить завоевания человеческого гения, но они хотят и показать человека будущего [Ляпунов 1970, 8].

Антропологический поворот в размышлениях о сути фантастического жанра — не «возможности науки и техники», а «завоевания человеческого гения» — сигнализирует о новой стадии развития критической мысли. Но в целом повествование Б. В. Ляпунова — это эссеистика, не претендующая на четкие библиографические категории и не стремящаяся уточнить кодификаторы областей знания.

Таким образом, понятие «фантастического» в библиографических указателях 1957–1970-х гг. эволюционировало от смежного с приключениями вида научно-познавательной литературы к метафорическому «миру мечты», лишенному терминологической четкости. Материал библиографических указателей при всей своей ограниченной функциональности тем не менее демонстрирует, что процессы, происходившие в области рекомендательной библиографии детской книги, отражают значительные трудности, которые испытывали библиографы в поиске языка описания фантастики.

Литература

Источники

Брандис 1965 — Брандис Е. Библиографический винегрет: [рецензия] // В мире книг. 1965. № 1. С. 17.

Гуревич 1966 — Гуревич Г. Кому и для чего? // В мире книг. 1966. № 3. С. 16–17.

Гуревич 1967 — Гуревич Г. Карта страны фантазий. М.: Искусство. 1967.

Журавлева 1965 — Журавлева В. О библиографии фантастики // В мире книг. 1965. № 7. С. 16–17.

Записки 1993 — Записки отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в издании научно-фантастической литературы // Знание — сила. 1993. № 7. С. 90–96.

Ляпунов 1970 — Ляпунов Б. В. В мире мечты: обзор научно-фантаст. лит. М.: Книга, 1970.

Шалашова, Зубов 1957 — Шалашова З. П., Зубов Ю. С. Приключения. Путешествия. Фантастика: Рек. указатель худож. литературы. М., 1957.

Шалашова, Левшина 1958 — Шалашова З. П., Левшина О. Н. Искусственные спутники земли. Межпланетные полеты: рек. указатель литературы / научная ред. Б. В. Ляпунова. М.: Государственная библиотека имени В. И. Ленина, Центральная политехническая библиотека, 1958.

Шалашова 1964 — Шалашова З. П. Путешествия. Приключения. Фантастика: Рек. указ. 2-е изд., перераб. М.: Книга, 1964.

Шалашова 1979 — Шалашова З. Приключения и путешествия: Рек. указ. лит. М.: Книга, 1979.

Исследования

Бритиков 1970 — Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние 1970.

Кукулин 2017 — Кукулин И. Периодика для ИТР: Советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 61–85.

References

Britikov — Britikov, A. F. (1970) Russkiy sovetskiy nauchno-fantasticheskiy roman. [Russian Soviet Science fiction novel]. Leningrad, Nauka. 1970.

Kukulin — Kukulin, I. (2017) Periodika dlya ITR: Sovetskie nauchno-popularniye jurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoj nauchno-technicheskoy intelligencii [Periodicals for Engineers: Soviet Popular Science Journals and the Shaping of the Late-Soviet Scientific and Technical Intelligentsia's Interests]. Novoe literaturnoe obozrenie, 3 (145), 61–85.

Maxim Lyzlov

National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg; ORCID: 0000-0001-9489-5383

CONVERSATIONS ABOUT SCIENCE FICTION: THE CATEGORY
OF “FANTASTIC” IN THE BIBLIOGRAPHIC DISCOURSE OF THE
1960S AND 1970S

In the 1950s and 1970s, bibliographers made attempts to define the genre of fiction and offer a systematization of the available fiction literature. The purpose of the article is to trace the development of the category of “fantastic” in the recommendation indexes of Z. P. Shalashova “Adventures. Journeys. Science Fiction”, “Artificial Earth satellites. Interplanetary flights”, “Adventures and travel”. The problems faced by bibliographers were related both to the sharp increase in publications of fantastic literature, and to the weak development of the theoretical apparatus in literary studies and bibliography. The concept of “fantastic” has evolved from an adventure-related type of scientific and educational literature to a metaphorical “dream world” devoid of terminological clarity. The material of bibliographic indexes, despite its limited functionality, nevertheless demonstrates that the processes that took place in the field of recommendation bibliography of children’s books reflect the significant difficulties that bibliographers experienced in finding a language for describing fiction.

Keywords: Science fiction, adventure, children’s literature, criticism, recommendation bibliography, Zoya Shalashova